

ФУНКЦИОНАЛИЗМ В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ И В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

© Г. Р. Искандарова^{1*}, Р. З. Мурысов²

¹Уфимский юридический институт МВД России
Россия, Республика Башкортостан, 450103 г. Уфа, ул. Муксинова, 2.
Тел.: +7 (987) 619 46 69.

E-mail: ischtuganowa@mail.ru
²Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450074 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
Тел.: +7 (347) 273 28 42.

В статье рассматриваются основные принципы современной функциональной лингвистики, интерпретируется понятие функции как системообразующего фактора в языковом пространстве, рассматривается взаимоотношение понятий функции и значения, раскрываются специфические свойства производных слов с точки зрения выполняемых ими функций, определяются перспективы использования функционального подхода в словообразовании.

Ключевые слова: функционализм, функциональная лингвистика, функция, функции языка, функции языковых единиц, функциональный подход, словообразование, производное слово.

В полипарадигмальном пространстве лингвистических исследований нашего времени функционализм становится доминирующим направлением лингвистики. Сама по себе идея функционального аспекта в изучении языка исторически не нова. Как отмечает Е. В. Клобуков, «одним из бесспорных достижений языкознания XX века необходимо признать становление и развитие так называемой функциональной лингвистики, изучающей целевую предназначенность языка и его единиц» [1, с. 15].

Известно, что в основе функциональной лингвистики лежит понимание языка как целенаправленной системы средств выражения, так называемый «телеологический принцип». Этот принцип сформулировали Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой и С. О. Карцевский в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (1929 г.). «Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с тем имеет целевую направленность. Анализ речевой деятельности как средства общения показывает, что наиболее обычной целью говорящего, которая обнаруживается с наибольшей четкостью, является выражение. Поэтому к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели» [2, с. 69].

Немецкий психолог и лингвист К. Бюлер выделял у языка три функции, соответствующие трем участникам коммуникативного процесса (говорящему, слушающему и предмету речи) и трем грамматическим лицам – экспрессивную (самовыражение говорящего), апеллятивную (обращение к слушающему) и репрезентативную (передача сведений о внешнем по отношению к коммуникации мире) (Ausdrucks-, Apell- und Darstellungsfunktion) [3].

К функциональной лингвистике относятся различные школы и направления. Значительный вклад в функциональную теорию языка внес Р. О. Якобсон. Он развил функциональную идею К. Бюлера, предложив более детальную модель, включавшую шесть компонентов коммуникации – говорящего, адресата, канал связи, предмет речи, код и сообщение. На основании этой модели были выделены шесть функций языка: в дополнение к

трем бюлеровским функциям, переименованным соответственно в эмотивную, конативную и референтивную, были введены фатическая (разговор исключительно ради проверки канала общения, например, дежурный диалог о погоде), метаязыковая (обсуждение самого языка общения, например, объяснение того, что значит то или иное слово) и поэтическая (сосредоточение внимания на сообщении ради него самого путем «игры» с его формой) [4].

Важным этапом развития функциональной лингвистики является функциональный структурализм Лондонской школы (Дж. Р. Ферс и М. А. К. Хэллидей). В основе теории Дж. Ферса лежит понятие функционирования, т.е. использование языка в контексте различных ситуаций. К комплексу функций языка (языковой формы) он относит фонетическую («малую») и три главные функции – лексическую, морфологическую и синтаксическую. Функция целевого законченного высказывания в контексте ситуации является областью семантики. М. Хэллидей указывает на то, что «язык является тем, что он есть, благодаря тому, что он обязан выполнять» («language is as it is because of what it has to do»). В соответствии с обслуживаемыми потребностями он устанавливает в языке три базовые функции. Это, во-первых, содержательная (понятинная, или функция опыта); во-вторых, межличностная (социально-ролевая), благодаря которой язык используется для установления и поддержания общественных отношений и на основе которой выделяются социальные слои и группы, идентифицируются индивиды как языковые личности; в-третьих, текстовая, или дискурсивная функция, посредством которой мы можем конструировать тексты, устанавливать связи между предложениями в связной речи, т.е. дискурсе [5, с. 90–91].

Ю. С. Степанов на основе семиотического принципа вывел три функции языка: номинативную, синтаксическую и прагматическую как универсальные свойства языка, соответствующие трем аспектам общей семиотики: семантике – номинация, синтактике – предикация и прагматике – локация. Первичным аппаратом номинации выступают характеризующие знаки (именные и

* автор, ответственный за переписку

глагольные классы слов), предикации – элементарные синтаксические контактные словосочетания, локации – дейксис ситуации общения («я-здесь-сейчас»), а вторичный аппарат образуется на основе транспозиции знаков, которая представляет собой их использование в переносном значении. Эти функции языка, согласно данной теории, лежат в основе всех возможностей использования языка как средства общения, познания и воздействия [6, с. 340–341].

Вообще, термин «функция» является многозначным. С одной стороны, функция понимается как способность языковых единиц к выполнению определенного назначения, как их роль в составе целого, а также как результат функционирования, т.е. достигнутая в речи цель. С другой стороны, функция может трактоваться в математическом смысле как зависимая переменная, которая изменяется в зависимости от аргумента, т.е. независимой переменной величины. Так, производные слова, воплощающие структуру словообразовательных моделей, занимают соответствующую нишу в словообразовательной системе языка, где словообразовательную функцию выполняет словообразовательный формант, ставящий в соответствие производящее и производное слово [7, с. 9]. Аргументом функции является производящее слово, значением функции – производное. Ср. определение словообразовательной функции «как структурной схемы отношений производящего и производного» [8, с. 43].

По мнению Ю. С. Степанова, функция есть свойство, или значение, функтора. А функтор есть языковое средство транспозиции одного множества языковых единиц в другое множество единиц того же языка. Если принять за исходное множество единиц русские глаголы типа *сообщать, выражать, исполнять* и т.п., а за производное множество единиц *сообщение, выражение, исполнение* и т.п., то отношение от первого множества ко второму будет функцией, а языковые формы *-ение; то, что (как) - (ает)-ся* будут языковыми средствами этой функции, функторами [9, с. 35].

Функциональная лингвистика получила ускоренное и разностороннее развитие в последние 30 лет, в частности, в том направлении лингвистического описания, которое ныне широко известно под названием функциональной грамматики (см. работы А. В. Бондарко, В. Г. Гака, М. В. Всеволодовой и др.). В рамках этого направления существуют различные теоретические обоснования, одни или другие разновидности общей идеи функционально-коммуникативно-ориентированной грамматики, расхождения в понимании и выборе базисных единиц и понятийно-терминологического аппарата. Несмотря на существующие различия в его интерпретации и применении со стороны различных авторов, школ и направлений, можно принять, что сущность функционального подхода заключается в выявлении целевых, функционально обусловленных возможностей (как реальных, так и потенциальных) языковой системы и, в соответствии с этим, тех обстоятельств, т.е. тех языковых и вне-

языковых факторов и условий функционирования и взаимодействия языковых средств и единиц разных уровней, которые обуславливают порождение или выбор, воспроизведение знаковых единиц, способных к непосредственному участию в актах номинации или речевой коммуникации.

Если для системно-структурного направления было характерно рассмотрение «языка в себе и для себя», то функциональное направление расширило свой объект, введя в него человека, что способствовало его признанию в качестве магистрального пути развития науки о языке [10, с. 95–96]. Системно-структурное описание языка обогатило нас знанием о языке, тогда как функциональное дает и знание языка, знание того, как языковые единицы разных уровней и модели их синтеза, соединения используются в речевой деятельности в процессах продуцирования и понимания речи.

Функциональное направление в основе своей ориентировано на языковую личность, которая, в свою очередь, признается лингвистами «центром всех систем». Функциональный подход «высвечивает» проблемы, связанные с человеческим фактором, пересекаясь с еще одним «установочно-познавательным принципом» современной лингвистической парадигмы – антропоцентризмом. Как отмечает Ю. Н. Караулов, «нельзя познать сущность и законы языка, не обратившись к его создателю и носителю» [11, с. 35].

Исследователь-функционалист А. Е. Кибрик отмечает, что термин «функционализм» используется для обозначения определенного набора методологических установок в ряде гуманитарных научных дисциплин, прежде всего в лингвистике, психологии и социологии. В языкознании функционализмом называется теоретический подход, который утверждает, что фундаментальные свойства языка не могут быть описаны без обращения к понятию функции [4].

Л. К. Жаналина во главу научно-методологической типологии функционального направления ставит *принцип* функционализма. Он реализуется в лингвистике в функциональных *подходах*, объединяющих разнообразные функциональные *теории*. По мнению ученого, принцип функционализма предусматривает, «во-первых, рассмотрение языка по выполняемым им функциям, во-вторых, учитывает исследование языка как функционирующего механизма, т.е. как речевой деятельности и как текста-дискурса. <...> Проявления функционализма в языке представляют функции и функциональная организация или динамика, а в метапространстве науки – функциональные подходы и функциональные теории» [10, с. 78].

В нашем понимании функционализм работает в аспекте функционирования языковых единиц, т.е. производных слов в словообразовательной системе языка и речи. Функциональное рассмотрение языка требует специальной разработки динамического аспекта функционирования словообразовательных единиц и категорий, участвующих в общей функции языка – функции познания, отображения и описания действительности в процессе мышления и языкового общения, «перенаименования» объектов

действительности, накопления опыта человека и речевой коммуникации и т.д.

Традиционно в современной лингвистике функции языка рассматривают как проявление сущности языка, его назначения и действия в обществе, его природы. Функции языка называют характеристиками, без которых язык не может быть самим собой, и выделяют при этом две базовые функции: коммуникативную и когнитивную. В качестве базовых к ним добавляют также эмоциональную функцию языка (быть одним из средств выражения чувств и эмоций) и метаязыковую, или металингвистическую (быть средством исследования и описания языка в терминах самого языка). В рамках функционализма, рассматривающего язык в аспекте его функционирования, обнаруживается тенденция к признанию первичной языковой функцией – функцию хранения и получения знания, а коммуникативная функция рассматривается как производная от нее. Соответственно и функциональность языка рассматривается как его способность выражать знания человека о мире: «Язык – естественно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система облеченных в звуковую форму знаковых единиц, способная выразить всю совокупность понятий и мыслей человека и предназначенная прежде всего для целей коммуникации» [12, с. 652].

Как отмечает А. С. Самигуллина, в задачи функционального анализа входит: «а) выявление множества функций, важных для общения; б) изучение динамического потенциала языка в направлении ‘отдельно взятая функция → ее конкретная реализация в речевом действии’; в) выделение как языковых, так и внеязыковых критериев при обнаружении той или иной функции» [13, с. 33].

Словообразование как элемент системы языка (уровень иерархической организации и вместе с тем относительно обособленная подсистема) обладает определенными специфическими функциями и собственным потенциалом, определяющим реализацию этих функций во взаимодействии с другими уровнями и подсистемами данного языка.

Традиционно установившийся взгляд на словообразование обычно связывает его с пополнением словарного запаса новыми лексическими единицами, что, однако, представляет собой лишь внешнюю сторону его роли в языке. На самом деле роль словообразования в языковой системе значительно сложнее. Как элемент языковой структуры словообразование – это одна из сфер межуровневого соотношения языковых единиц (средств) и функций. Согласно концепции пражского функционализма, словообразование – это тот или иной уровень, рассматриваемый в отношении к более низкому уровню, выступающий как сфера его функционального осуществления, тогда как по отношению к более высокому уровню он выступает как сфера его конструктивных средств [14].

Как подсистема языка словообразование связано с формированием и использованием особого рода номинативных единиц, участвующих в общей функции языка – функции отображения и описания действительности в процессе мышления и языково-

го общения, сохранения и развития внешнего и внутреннего опыта человека (языкового общества).

Номинационный аспект языковой деятельности включает образование и/или использование единиц разных уровней и подсистем (непроизводные лексемы – исконные и заимствованные, семантические дериваты, фразеологизмы, производные слова, словосочетания, предложения), выполняющих сходные и вместе с тем различающиеся по характеру функции.

Потенциал внутренней организации и внешних связей словообразовательной системы и ее главная – номинативная – функция взаимообусловлены. Этим и обеспечивается создание и использование названий, характеризующихся словообразовательной структурой и определенными системными свойствами и функциями. Вместе взятое это определяет место и роль словообразовательных процессов в общественно обусловленном соотношении: действительность – мышление – язык – коммуникация, понимаемая как процесс или деятельность, осуществляемая с помощью языка, обычно в ситуации построения дискурса. Именно роль языка в общественном процессе познания и обозначения элементов мира, накопления опыта и речевой коммуникации можно определить как «мыслительно-речевую деятельность».

Акт деривационной номинации протекает как процесс формирования языкового знака, отличающегося от всех других языковых номинаций как в плане выражения, так и в плане содержания, т.е. способом реализации главной – номинативно-репрезентативной – функции. Функция языковой единицы – это осознанное в процессе мыслительно-языковой деятельности ее назначение, реализуемое в ходе ее формирования и реализованное в системе языка и условиях речи. В таком понимании функции языковых единиц выступают в двух аспектах – потенциальном и результативном. Функциональное назначение как потенциал обуславливает определенные «способы поведения» данной единицы. С потенциальной стороны функций связано понятие «семантического потенциала», но «целесообразно использование и более широкого понятия «функциональный потенциал», включающего не только собственно семантические, но и эмоциональные, экспрессивные, стилистические, структурные» [14, с. 15].

В силу своей двойной соотношенности – с внеязыковой действительностью и с системой языка – производные слова называются явлениями мира, реализуя при этом потенциал словообразовательной системы в виде конкретной структурно представленной комбинации определенных средств и отношений. Таким образом, процесс восприятия и обозначения элементов действительности получает объективацию и закрепление в языке в виде однословных лексических единиц, отличающихся рядом специфических свойств [15, с. 19]:

1) как новые наименования предметов и явлений действительности создаются на базе уже существующих номинативных единиц языка, обозначая те же самые понятия, понятия классификационно соотносительные с ранее обозначенными, или по-

нения, резко отличающиеся по своей классификационной характеристике;

2) обозначают явления мира в соответствии с их естественной (логико познавательной, понятийной) классификацией – и, выполняя роль своеобразных «трансформов», занимают определенное место в парадигматике и иерархии языковых семантических единиц и категорий, формируемых при участии словообразовательной системы;

3) называя новые понятия, закрепляют за обозначаемым предметом (явлением, действием) определенное свойство, но не прямо, а опосредствованно, через установление ассоциативной связи с другим предметом, признаком, действием и указанием на отношение к нему;

4) выступают как мотивированные знаковые единицы, обладающие расчлененной структурой, в которой выделяется мотивирующая часть (однокоренная номинативная единица, указывающая на ономаσιологический признак) и формантная часть (деривационное средство, указывающее на ономаσιологический базис); носителем категориального значения/значений производных слов является вся формально выраженная ономаσιологическая структура;

5) формально и семантически оформляются по апробированному обществом и закрепленным в системе словообразовательным моделям, которые способствуют также установлению их места в структуре языка и их воспроизведению в условиях речи;

6) самым актом своего создания становятся фактом языковой системы, выражая свою отнесенность к определенному языковому классу или языковой семантической категории посредством способов и средств словообразовательной системы или посредством взаимодействия средств разных подсистем.

Одна из важных функций словообразовательных структур заключается также в их способности представлять информацию в компрессированном виде, что позволило Р. З. Мурашову охарактеризовать производное слово как структурный минимум выражения семантико-синтаксических отношений. Будучи полупредикативными пропозициями, деривативные номинализации позволяют выразить пропозитивные значения в компрессированном, более экономном виде, чем их более развернутые и структурно более громоздкие и тяжеловесные синтаксические предикативные эквиваленты – предложения. Важнейшей причиной продуктивности и частотности номинализаций является их способность служить сигнификативным дейктическим средством, дающим возможность осуществлять коммуникативные преобразования в целях обеспечения тематической прогрессии дискурса.

Значительна роль номинализаций в выражении причинно-следственных отношений, а также в организации такого важного параметра текста, как временная ось. Благодаря номинализациям становится возможным построение глубоко эшелонированной объемной темпоральной перспективы текста [16, с. 52].

Итак, в рассмотренных нами свойствах производных единиц обнаруживаются основные тенденции, определяющие развитие современной функциональной лингвистики: антропоцентризм, тесно связанный с этнизацией социальной и культурной жизни, с языковой и культурной идентичностью; неофункционализм, предполагающий изучение языка в действии, отражающий связь языка и его адекватного использования в коммуникации, в дискурсе; экспланаторность, подтверждающая переход науки от описания фактов к их объяснению, к получению выводного знания. В этом смысле нельзя не согласиться с В. З. Демьянковым [17], который справедливо утверждает, что «лингвистический функционализм многофакторен», в пользу чего говорят вышеназванные тенденции современного лингвистического знания, отражающие необходимость рассмотрения языковых явлений, в том числе и словообразовательных, в динамическом ключе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клобуков Е. В. Теоретические основы изучения морфологических категорий русского языка: морфологические категории в системе языка и в дискурсе: дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1995. 74 с.
2. Тезисы Пражского лингвистического кружка // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Учпедгиз, 1960. С. 69–85.
3. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 502 с.
4. Кибрик А. Е. Функционализм в лингвистике. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008265/1008265a2.htm> (дата обращения: 08.10.2010).
5. Ольшанский И. Г. Функциональные аспекты исследования полисемии // Лексика и лексикография: Сборник научных трудов; Выпуск 13: Орловский государственный технический университет. Кафедра иностранных языков. М.: Отделение литературы и языка РАН, 2002. С. 90–95.
6. Степанов Ю. С. Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) // Известия Академии наук СССР, сер. Литературы и языка. 1973. Т. 32. Вып. 4. С. 340–355.
7. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М.: Наука, 1980. 294 с.
8. Лешак О. В. Методологические основы функционального исследования языковой деятельности (на материале славянских языков): дис. ... д-ра филол. наук. Тернополь, 1997. 641 с.
9. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2005. 312 с.
10. Жаналина Л. К. Актуальные проблемы языкознания. Теория. Учебно-методический комплекс дисциплины: Учебное пособие. Алматы, 2006. 330 с.
11. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 355 с.
12. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
13. Самигуллина А. С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 316 с.
14. Бондарко А. В. Функции языковых единиц в потенциальном и результативном аспектах // Грамматика и семантика на славянских языках в коммуникативном аспекте. С., 1994. С. 12–18.
15. Искандарова Г. Р. О когнитивно-ономаσιологическом подходе к словообразованию (на материале немецкого языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2 (027). С. 18–25.
16. Мурашов Р. З. Словообразование и теория номинализации // Вопросы языкознания. 1989, №2. С. 39–53.
17. Демьянков В. З. Функционализм в зарубежной лингвистике 20 века // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 26–136.

Поступила в редакцию 26.03.2013 г.